

Научная статья

УДК 811.111.26

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

Реализация когнитивного диссонанса в стилистических приемах, основанных на механизме сходства

Д. С. Солобуто

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

diana-f@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается диссонансный потенциал таких стилистических приемов, как метафора, сравнение и олицетворение. Эти приемы конструируются на основе механизма сходства и подразумевают сопоставление двух объектов. Проведенный в статье анализ примеров с использованием схемы концептуальной интеграции позволил выявить, какие особенности в структуре бленда отличают локальные диссонансные явления, и определить условия, при которых перечисленные стилистические средства реализуют когнитивный диссонанс.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, локальные диссонансные явления, стилистические приемы, теория концептуальной интеграции, метафора, сравнение, олицетворение

Для цитирования: Солобуто Д. С. Реализация когнитивного диссонанса в стилистических приемах, основанных на механизме сходства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 115–122. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

Original article

Actualizing Cognitive Dissonance in Similarity-Based Stylistic Devices

Diana S. Solobuto

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

diana-f@mail.ru

Abstract. The article focuses on the potential of such stylistic devices as metaphor, simile and personification in creating cognitive dissonance. These literary devices are constructed on the basis of the mechanism of similarity and involve comparing two objects. The analysis of the material conducted via the scheme of conceptual integration made it possible to identify which features in the structure of the blend distinguish local dissonance phenomena and to determine the conditions under which the studied stylistic means create cognitive dissonance.

Keywords: cognitive dissonance, local dissonance, stylistic devices, theory of conceptual integration, metaphor, simile, personification

For citation: Solobuto, D. S. (2023). Actualizing Cognitive Dissonance in Similarity-Based Stylistic Devices. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 115–122. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивный диссонанс (*далее* КД) – комплексный феномен, связанный с психологией индивида. В состоянии КД человек испытывает психологический дискомфорт, вызванный несоответствием новой информации представлениям в его сознании или уже имеющейся у него информации [Фестингер, 1999].

В лингвистике когнитивный диссонанс связан с процессами восприятия и интерпретации информации во время устной коммуникации (Е. А. Вебер, Л. Г. Фомиченко) или в ходе прочтения текста (Т. В. Дроздова, В. З. Демьянков, В. И. Тармаева). Обращаясь к анализу текста можно отметить, что когнитивные «несоответствия» обнаруживаются в литературных произведениях повсеместно, играя существенную роль в интерпретации дискурса читателем. При наличии устойчивых диссонансных явлений можно говорить о «диссонансности» как о характеристике того или иного типа дискурса или того или иного конкретного текста. Кроме того, КД может реализовываться на разных уровнях текста, в том числе выходить за рамки одного предложения и охватывать более широкие контексты.

Использование стилистических приемов связано с реализацией диссонанса локального уровня. Локальные диссонансные явления характеризуются следующими признаками:

- 1) низкая степень абстракции – описание материального объекта или абстрактного понятия через конкретные лексические единицы;
- 2) эксплицитность – явление всегда имеет определенное лексическое выражение в тексте;
- 3) ограниченность явления рамками одного предложения или его фрагмента;
- 4) связь явления с фоновыми знаниями о частных объектах, которые относятся к дискурсу конкретного произведения;
- 5) применение средств создания образности при реализации явления.

Таким образом, стилистические приемы попадают под категорию локальных диссонансных явлений. Однако следует отметить, что далеко не в каждом конкретном примере будет реализовываться диссонанс и для того, чтобы можно было отнести конкретный прием к диссонансным явлениям, требуется соблюдение ряда условий.

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К АНАЛИЗУ ДИССОНАНСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Теория концептуальной интеграции, или блендинга, основывается на концепции Ж. Фоконье

о ментальных пространствах. Ментальные пространства, по Фоконье, представляют собой структуры, существующие в нашем сознании. Эти структуры активируются и разворачиваются в процессе мышления, восприятия информации и говорения, и могут быть двух типов: базовые, относящиеся к реально существующим мирам, и сконструированные, относящиеся к мирам возможным и выходящим за рамки реальности [Fauconnie, 1994].

Дальнейшее развитие данной концепции привело к возникновению теории концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция – это многокомпонентный когнитивный процесс, который основывается на модели четырех пространств и в результате которого в сознании говорящего образуется новое значение [Синжапова, 2019]. Модель четырех пространств включает в себе два исходных или вводных ментальных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство, или бленд (blended space). Бленд появляется в результате проекции одного вводного пространства на другое или в результате слияния их значений.

По мнению авторов теории, данный процесс имеет три стадии: композицию (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). На каждой стадии в бленде появляются новые оттенки значения, новое содержание, не заложенное в вводных пространствах. Бленд также дополнительно обогащается информацией из долговременной памяти, фоновыми знаниями, культурными моделями [там же]. В результате образуется качественно новая структура, отличная от исходных. Интеграционные процессы опираются на способность человеческого мышления устанавливать связи (mappings) между ментальными пространствами и их элементами. Огромную роль в управлении этими процессами играет становление образного мышления.

Тезис о том, что в каждом бленде существует как минимум два вводных пространства, связан с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По мнению разработчиков теории концептуальной метафоры, последняя трактуется как когнитивная проекция из сферы-источника в сферу-цель (source domain and target domain) [Лакофф, Джонсон, 1990]. Два вводных пространства концептуальной интеграции, следовательно, соотносятся со сферой-источником и сферой-целью, но Фоконье и Тернер идут дальше метафорической проекции, добавляя новое сконструированное ментальное пространство – бленд.

Исследователи Н. Ю. Белькова, Л. П. Ковальчук, Э. В. Будаев, И. А. Солодилова, О. Н. Санжарова, Д. Радден и др. анализируют метафору и метонимию с позиций теории концептуальной интеграции.

Но ее схематичность позволяет наглядно продемонстрировать структуру бленда при конструировании и других стилистических приемов, а также выявить, какие особенности в структуре отличают диссонансные явления от прочих. Этим также обусловлен выбор теории концептуальной интеграции в качестве метода анализа.

Метафора

Метафора представляет собой номинацию объекта, основанную на сходстве (реальном или мнимом) данного объекта с другим, название которого и используется при номинации [Скороходова, 2006].

В рамках теории концептуальной интеграции метафора воспринимается не просто как структура, но как особое мировидение, имеющее концептуальную природу и находящее выражение в языке. Метафорические проекции разнообразны и многочисленны; сфера-цель может содержать в себе проекции из нескольких сфер-источников, которые на первый взгляд не связаны друг с другом. В этой особенности метафоры к слиянию разнородных компонентов заложен потенциал, как экспрессивный, так и диссонансный.

Общая схема концептуальной интеграции для метафоры выглядит следующим образом (рис. 1).

Рассмотрим пример метафоры, неосложненной диссонансностью:

Below, **the orange dragon** coughed into life (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Контекстуальная метафора *the orange dragon* обозначает оранжевую пожарную машину. По замыслу автора антиутопии «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, пожарный – не спасающий жизни защитник, использующий воду для борьбы со стихией огня, а разрушитель на страже закона, сжигающий книги и дома тех отступников, которые эти книги у себя держат. По законам созданного в контексте произведения государства хранение и чтение книг приравнивается к преступлению; владелец книг подлежит аресту, а его имущество – сожжению бригадой пожарных. Поэтому пожарная машина, подобно дракону, изрыгает пламя, а не воду, что облегчает процесс расшифровки метафоры. Дополнительно метафорический образ поддерживается глаголом *cough*, который передает сходный с кашлем звук завожущейся машины и усиливает аналогию с живым существом.

Легкость трактовки, доступность необходимого контекста и яркость образа позволяют легко дешифровать приведенную выше метафору (рис. 2). Вследствие этого, она не будет относиться к диссонансным явлениям.

Новые оттенки, оригинальность и связанный с ними диссонансный потенциал лингвистические явления часто приобретают благодаря эффектам синестезии, которая в последнее время стала перспективным направлением для исследований

Общее пространство: сходная характеристика	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Элемент 1 и связанные с ним объекты ментального пространства	Элемент 2 и связанные с ним объекты ментального пространства
Смешанное пространство	

Рис. 1. Общая схема концептуальной интеграции

Общее пространство: способность извергать огонь, мощь	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Dragon A large imaginary creature in old stories that has wings and a long pointed tail and breathes out fire	Orange car (<i>of the fire brigade</i>) A road vehicle for one driver and a few passengers
Смешанное пространство: orange dragon	

Рис. 2. Метафора, не осложненная диссонансностью

в рамках лингвистической науки. Термин «синестезия» (от греч. *воспринимать вместе*) пришел в лингвистику из психологии, где он употребляется для обозначения восприятия одной сенсорной сферы через другую, смешения разных сфер чувственного восприятия (или описания такого типа восприятия). У лиц, переживающих подобный опыт, раздражение одного органа чувств наряду со связанными с ним ощущениями, вызывает также ощущения, связанные с другим органами чувств [Yu, 2003].

Лингвистическая дефиниция синестезии, вслед за психологией, связана с перцепцией, и трактует синестезию как метафорический процесс, когда одна сенсорная модальность описывается или характеризуется через другую (например, *bright* – *зрительное восприятие*, *sound* – *слуховое восприятие*). При анализе синестетических переносов традиционно выделяются пять сфер: тактильные ощущения, вкусовые ощущения, обоняние, звук и зрение, именно в таком иерархическом порядке, и исследователи отмечают, что перенос имеет тенденцию осуществляться с более низкого сенсорного уровня на более высокий. Объясняется это общим когнитивным принципом, по которому движение от «доступных», базовых концептов к сложным, небазовым более естественно, чем обратная проекция [Майданова, 1992].

Синестезия в языке часто воплощается в синестетической метафоре. Структура метафоры помогает реализовать сопутствующий синестезии перенос. В ней лексическая единица, связанная с одним ощущением, переходит в семантическое поле, обозначающее другое ощущение. Традиционные смысловые связи между компонентами подвергаются значительным изменениям. Поэтому они будут ярким авторским образованием, вызывающим КД. Общим пространством в данном случае станет отнесенность обоих элементов к сферам чувственного восприятия.

Приведенная ниже авторская метафора затрагивает целый ряд когнитивных ассоциаций,

реализуя синестетический перенос из сферы «звук» в сферу «зрение»:

I heard **a roar that started white and went red** and on and on in a rushing wind (E. Hemingway. *Farewell to Arms*).

С одной стороны, через цвета обычно передается температура (красный – горячий; синий – холодный), но никак не звук. С другой – красный цвет можно связать с громким звуком, опираясь на фоновые знания – цвет мигающего спецсигнала или цвет пожарной машины, которая снабжена громкой сиреной. Красный также ассоциируется с опасностью, тревогой – по той же аналогии с сиреной или сигнализацией. Таким образом, весь комплекс когний, собранный воедино, помогает преодолеть возникающий в данном случае диссонанс и интерпретировать авторскую метафору, привязав ее к характеристикам звука: белый – тихий, красный – громкий. Кроме того, в рамках данной метафоры наблюдается градация интенсивности признака от более слабого к более сильному, ярко выраженному (рис. 3).

Олицетворение

Олицетворение как средство создания образности – частый предмет исследований филологов и лингвистов. Объясняется это тем, что олицетворение имеет долгую историю и зародилось еще во времена мифологического восприятия действительности и анимизма, когда объекты окружающего мира одушевлялись. Закладывая в себе мировосприятие народов на определенной стадии и становление образного мышления, это явление находит свое отражение в мифологии и фольклоре [Лам, 1999].

Концептуальные структуры, активирующиеся при интерпретации олицетворений, а также лингвистические формы и коммуникативные функции данного изобразительного средства в дискурсе рассматриваются в работе голландского

Общее пространство: отнесенность к сферам чувственного восприятия		
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2	Вводное пространство 3
Roar a deep cry of a wild animal, a loud deep cry as of pain or anger, a loud continuous confused sound	White the same colour as milk or snow	Red the same colour as blood
Смешанное пространство: <i>white roar, red roar</i>		

Рис. 3. Синестетическая авторская метафора

исследователя Алетты Дорст. При анализе автор статьи использует процедуру идентификации метафоры и приходит к выводу о том, что в рамках олицетворения должна проявляться не связанная с человеческими качествами контекстуальная семантика плюс связанная с человеческими качествами базовая семантика. Об оригинальном авторском олицетворении, по мнению исследователя, можно говорить тогда, когда художественный прием эксплицитно направлен на изменение взгляда интерпретатора на объект или тему, относящиеся к сфере-цели (target domain). В таких ситуациях адресат вынужден воспринимать объект или тему через призму другого концептуального пространства, функционирующего как сфера-источник [Dorst, 2011].

Итак, олицетворение – это подвид метафоры, при котором внешние и внутренние характеристики одушевленного предмета переносятся на неодушевленный. Диссонансность здесь заключается в том, что предмету заведомо приписываются действия, которые им не могут быть совершены, или качества, несоответствующие ему. Стандартизированная схема концептуальной интеграции для олицетворения выглядит следующим образом (рис. 4):

Олицетворение – достаточно частый стилистический прием.

The music died (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Дешифровка образа представленного олицетворения (рис. 5) облегчается благодаря тому, что одним из значений глагола *to die*, поддержанным частицей *away*, является *to become quieter or weaker and finally stop*¹. Несмотря на то, что в данном случае *to die* не фразовый глагол, реконструировать эту семантику в контексте представленного примера несложно. Ввиду широкой семантики часто употребляемого метафорически глагола, многие олицетворения, в которых он присутствует, становятся стертыми, и их нельзя отнести к диссонирующим явлениям.

The house jumped up in a gorging fire (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Данный пример, по сравнению с приведенными выше, оригинален, поскольку даже при привлечении ассоциативных связей и фоновых знаний

¹Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

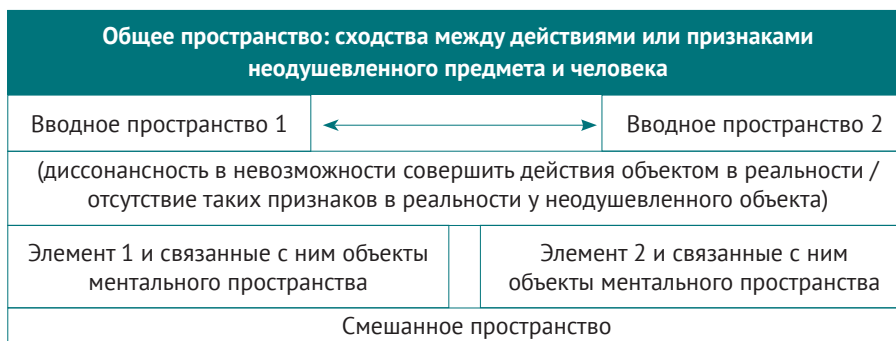

Рис. 4. Схема концептуальной интеграции для олицетворения

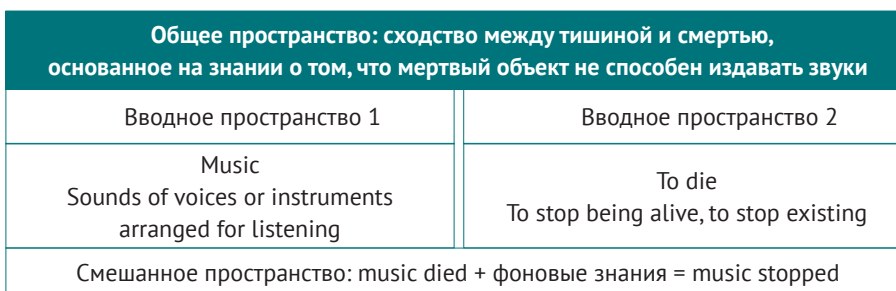

Рис. 5. Реконструкция семантики с помощью фоновых знаний

Общее пространство...	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
House A building for living in	To jump up Move body off ground using legs
Смешанное пространство: <i>the house jumped up</i>	

Рис. 6. Дешифровка образа с помощью креативного мышления

Общее пространство: сходная характеристика	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Элемент 1 и связанные с ним объекты ментального пространства	Элемент 2 и связанные с ним объекты ментального пространства
Смешанное пространство	

Рис. 7. Схема концептуальной интеграции для сравнения

Общее пространство: сходная характеристика цвета, позволяющая сравнить мед и солнечный свет	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Sunshine Warm and pleasant light from the sun	Honey A sweet sticky yellow or brown food made by bees
Смешанное пространство: <i>tropical sunshine like warm honey</i>	

Рис. 8. Схема сравнения, не осложненного КД

Общее пространство: <i>water, к которому относятся лексические единицы river и rain</i>	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
The smell of the river	Rain
Смешанное пространство: <i>the smell of the river like solid rain</i>	

Рис. 9. Сравнение, осложненное синтезией

и при наличии контекста сложно провести параллели между «прыжком» дома и прыжком человека; чтобы представить себе данный образ, необходимо задействовать креативное мышление, и тем не менее КД всё равно остается. Некое сходство можно заметить между взрывом и прыжком, так как при взрыве конструкция взлетает в воздух, подобно тому, как в момент прыжка тело поднимается над землей (рис. 6).

Сравнение

Сопоставление представляет собой один из способов «общечеловеческого мышления, обеспечивающий познание человеком окружающего мира»

[Уарова, 2006, с. 136]. Этим обусловлена популярность и широкая изученность сравнения различными дисциплинами. Как стилистический прием, сравнение – это сложное образование, которое может реализовываться с использованием различных средств и которому сопутствует многообразие когнитивных, прагматических и лингвокультурных факторов. При его дешифровке проявляется базовая способность человеческого сознания проводить аналогии между объектами, принадлежащими к миру конкретного или абстрактного.

В основе сравнения, как и в случае с метафорой, лежит механизм сходства, однако, в то время как при конструировании метафоры сходство подразумевается, но не выражено, сравнение

эксплицитно и лексически маркируется (например, единицами *like, as, as if, to resemble* и пр.). Общим пространством в схеме концептуальной интеграции сравнения будет выступать схожая характеристика двух объектов (рис. 7).

The tropical sunshine lay like warm honey on the naked bodies of children (*Huxley A. Brave New World*).

Представленное выше не осложненное и не диссонирующее сравнение имеет определенную структуру (рис. 8):

Простые сравнения не обладают необходимыми характеристиками для реализации КД, поскольку сопоставление объектов проводится по очевидным признакам. Для того чтобы сравнение стало диссонирующим явлением, оно должно проводиться между логически не сопоставимыми, или на первый взгляд логически не сопоставимыми, объектами, отношения сходства между которыми неочевидны и приводят в замешательство. Также диссонансным потенциалом обладают сравнения, осложненные включением одного или более стилистических приемов, и синестетические сравнения – с сопоставлением объектов, относящихся к разным сферам чувственного восприятия.

The smell of the river was cool and like solid rain (*R. Bradbury. Fahrenheit 451*).

В приведенном выше примере сравнение осложнено синестезией – неосязаемый запах сравнивается по плотности с физическим объектом (рис. 9). Наличие дополнительной лексической единицы *solid* усиливает экспрессивный эффект

и позволяет отнести рассмотренное сравнение к диссонансным явлениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве случаев ассоциативные связи между сопоставляемыми объектами в метафорах, олицетворениях и сравнениях хорошо прослеживаются, благодаря чему у интерпретатора не возникает затруднений при дешифровке, и, как следствие, не возникает когнитивного диссонанса. Однако выявляются следующие закономерности, при наличии которых метафоры, олицетворения и сравнения могут переходить в категорию диссонансных явлений локального уровня:

- новизна или частота употребления. Чем выше степень новизны употребленной автором фигуры речи, тем больше она будет выделяться, усиливая диссонансность и создавая некую дисгармонию, и тем вероятнее ее восприятие будет сопровождаться КД;
- оригинальность, сопоставление объектов, между которыми сложно провести параллель;
- осложненность стилистического приема синестезией;
- осложненность стилистического приема включением других приемов;
- необходимость апеллировать к фоновым знаниям и дополнительному контексту, благодаря чему происходит трансформация семантики в получившемся бленде.

Анализ приведенного материала позволяет говорить о том, что стилистические приемы, сконструированные на основе механизма сходства, также обладают потенциалом к реализации диссонанса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
2. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. Синжапова Р. Р. Теория концептуальной интеграции и лингвистические средства ее выражения // Молодой ученый. 2019. №2 (240). С. 393–395. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55520/>
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
5. Скороходова Е. Ю. Метафорическая номинация в языке и мышлении // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Серия III: Филология. 2006. Вып. 1. С 97–102.
6. Yu N. Synesthetic metaphor: a cognitive perspective // Journal of literary semantics. 2003. № 32 (1). P. 11–30.
7. Майданова Т. В. Синестетические метафоры в художественной речи XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
8. Лам Ф. Н. Олицетворение имен существительных с немотивированным родом в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
9. Dorst A. G. Personification in discourse: linguistic forms, conceptual structures and communicative functions // Language and literature. 2011. Vol. 20 (2). P. 113–135.

10. Уарова О. В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Festinger, L. (1999). Teoria kognitivnogo dissonanca = The theory of cognitive dissonance. St. Petersburg: Juventa. (In Russ.)
2. Fauconnier, G. (1994). Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Singiapova, R. R. (2019). Teorija konceptualnoj intergazii i lingvističeskije sredstva eyo virajhenija = The theory of conceptual intergration and linguistic means of its expression. Young Scholar, 2(240), 393–395. <https://moluch.ru/archive/240/55520/> (In Russ.)
4. Lakoff, G., Johnson, M. (1990). Metaphors we live by. The theory of the metaphor. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Skorohodova, E. Ju. (2006). Metaforičeskaya nomimazija v yazike i mishlenii = Metaphorical nomination in the language and in cognition. St. Tikhon's University Review. Series III: Philology, 1, 97–102. (In Russ.)
6. Yu, N. (2003). Synesthetic metaphor: a cognitive perspective. Journal of literary semantics, 32 (1), 11–30.
7. Majdanova, T. V. (1992). Sinesteticheskie metafori v hudozhestvennoj reči XX veka = Synesthetic metaphors in the artistic speech of the 20th century: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Lam, F. N. (1999). Olizetvorenije imen sushestvitelnix s nemotivirovannim rodom v russkom yazike = Personification of nouns with non-motivated gender in the Russian language: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Dorst, A. G. (2011). Personification in discourse: linguistic forms, conceptual structures and communicative functions. Language and literature, 20(2), 113–135.
10. Uarova, O. V. (2006). Discursivnije strategii interpretazii stilističeskovo prijema sravnenija = Discourse strategies of interpreting the stylistic device of simile: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солобуто Диана Сергеевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Solobuto Diana Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.11.2022
29.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication